

На правах рукописи

ОСИПОВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ

**ДЕВИАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ В ФОРМИРОВАНИИ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ**

Специальность 23.00.02 – политические институты,
этнополитическая конфликтология,
национальные и политические
процессы и технологии

**Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата политических наук**

Ростов-на-Дону – 2005

Работа выполнена на кафедре политологии и этнополитики
Северо-Кавказской академии государственной службы

Научные руководители: заслуженный деятель науки РФ,
доктор политических наук, профессор
Понеделков Александр Васильевич
доктор политических наук, профессор
Агапонов Александр Климентьевич

Официальные оппоненты: доктор политических наук, профессор
Магомедов Арбахан Курбанович
доктор социологических наук, профессор
Самыгин Сергей Иванович

Ведущая организация: Ростовский государственный университет

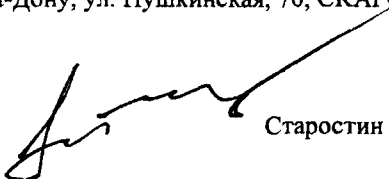
Защита состоится «28» декабря 2005 г. в 14-00 часов на заседании диссертационного совета Д 502.008.02 по политическим наукам при Северо-Кавказской академии государственной службы по адресу: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70, аудитория № 514.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Северо-Кавказской академии государственной службы.

Автореферат разослан « 24 » 11 2005 года.

Отзывы на автореферат, заверенные печатью, просим присылать по адресу: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70, СКАГС, к. 304.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Старостин А.М.

2006-У
26307

2244554

3

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Неоспоримым является тот факт, что характер общества, специфика его политической системы находят непосредственное отражение в облике и качестве правящей элиты, ее стратегии и практических действиях. Принципиальное значение здесь имеют состав политической элиты общества, основные каналы ее формирования, способность адекватно функционировать в рамках установленной системы социальных институтов, норм и ценностей.

Современное российское общество, сложившееся в результате радикальной трансформации, располагает системой политических институтов, формально соответствующих демократическим критериям. Тем не менее, реальная политическая практика зачастую отклоняется от этих критериев, по-прежнему базируясь на фактическом отсутствии гласности и минимуме участия широких слоев населения в принятии значимых для всего общества решений. «Процедурный» характер современной российской демократии, маскирующий клановое и по сути силовое правление, представляет собой системную деформацию демократических политических институтов, во многом обусловленную качеством сформировавшейся за пореформенные годы новой политической элиты, ее закрытостью, отчуждением от общества и его проблем.

Качество деятельности политических элит, их ценностные ориентации и политико-правовая культура во многом определяют потенциал политической системы в целом, перспективы ее развития. Исследование особенностей политической системы и реальной политической практики современного российского общества настоятельно требует обращения к изучению специфики правящей элиты, ее ментальности и культуры, мотиваций ее социального поведения, и прежде всего – к изучению разнообразных факторов, обусловивших те девиации в ее деятельности, которые, в свою очередь, стали причиной деформированного функционирования демократических институтов, тормозом движения к подлинной демократизации

российского общества. Этим обусловлена актуальность темы нашего исследования. В настоящее время, когда, как подчеркивает О. Крыштановская, значительно сузились каналы реального влияния широких масс населения, их непосредственного политического выбора на решение судеб страны, роль правящей элиты в определении стратегии социального развития и характера повседневной политической практики возросла. Произошли серьезные негативные изменения в характере деятельности элиты, стремительно нарастает ее закрытость и отчуждение от общества. Если в начальный период реформ несостоятельность политической элиты и ее недостаточная эффективность находили объяснение в отсутствии демократических механизмов ее формирования и демократического институционального оформления ее деятельности, то теперь стало очевидным, что сами по себе институциональные структуры демократического типа составляют лишь необходимое, но не достаточное условие успеха преобразований. Проблема упирается и в качество правящей элиты, ее культурный уровень, направленность ее политической воли, характер ценностей и идеологии.

В то же время качество элиты определяется и спецификой сложившейся социокультурной среды, допускающей разрыв между должным и наличествующим, декларируемыми целями и ценностями с одной стороны и реальной политической жизнью – с другой. Бездействие механизмов социального и правового контроля за деятельностью элит, фактическая приватизация ими ресурсов власти приводят к росту злоупотреблений, беспрецедентному распространению коррупции, в том числе в высших властных эшелонах. Единственной реальной целью деятельности политической элиты становится удержание и расширение имеющегося объема полномочий, сохранение власти зачастую ценой игнорирования насущных социальных, экономических, политических проблем или прямого пренебрежения интересами общества как целостности. На удержание власти направлены и происходящие в последнее время изменения институциональных механизмов пополнения правящей элиты, по сути означающие свертывание демократии, рост контроля «сверху» при ограничении контроля «снизу».

Все эти явления российской политической действительности говорят об актуальности объективного исследования процессов формирования и деятельности правящей элиты, в частности, природы и динамики влияющих на нее девиационных факторов.

Степень разработанности проблемы. Основные принципы теории элит были разработаны классиками западной политической науки – Г. Алмоном, С. Вербой, Р. Далем, Х. Зиглером, Г. Лассуэлом, Ч.Р. Миллсом, Дж. Сартори, Ф. Хантером.

Западные советологи заложили и основы внеидеологического изучения советской политической элиты – речь идет о работах М. Джиласа, Т. Ригби, С. Козна, Дж. Хоскинга, Р. Такера. Отечественные специалисты – Ф.М. Бурлацкий, А.А. Галкин, Н.М. Кейзеров, В.С. Комаровский и др. – в условиях идеологической ангажированности подвергали критическому анализу западную элитологию; изучение же советской политической элиты, а тем более в девиационном аспекте было табуировано.

Демократизация российского общества создала благоприятную почву для многочисленных теоретических и прикладных исследований феномена политической элиты. Современные элитологические российские исследования последних лет позволили не только сформировать эмпирическую базу российской теории элит и обсудить важные концептуальные и практические проблемы, но и внести серьезные методологические коррективы в использование классической и современной западной элитологии¹, подготовить первые учебники элитологии².

Общетеоретические вопросы, связанные с российской элитой, ее структурой, составом, механизмами инкорпорации и экскорпорации, мобильностью, эффективностью нашли освещение в работах М.Н. Афанасьева, Г.К. Ашина, Л.В. Бабаевой, Д.В. Бадовского, И.М. Бунина, В.Я. Гельма-

¹ См.: Понеделков А.В. Элита (политико-административная элита: проблемы методологии, социологии, культуры) Ростов н/Д, 1995

² См.: Ашин Г.К., Охотский Е.В. Курс элитологии М., 1999, Ашин Г.К., Понеделков А.В., Игнатов В.Г., Старостин А.М. Основы политической элитологии М., 1999, Взаимодействие элит в социально-политическом пространстве современной России. Ростов н/Д, 2001

на, В.Е. Гимпельсона, О.В. Гаман-Голутвиной, И.С. Дискина, А.Ю.Зудина, С.А. Кислицына, О.В. Крыштановской, И.В. Куколева, А.К. Магомедова, Е.В. Охотского, С.П. Перегудова, А.В. Понеделкова, В.В. Радаева, А.М. Старостина, М.Х. Фарукина, В.В. Черноуса, Е.Б. Шестопаля.

Сложный процесс взаимодействия российской политической элиты со структурами гражданского общества в России исследуются Л.М. Алексеевой, А.А. Галкиным, В.Я. Гельманом, Г.В. Голосовой, И.С. Семененко, Л.Ф. Шевцовой, О.Н. Яницким и др.

Проблема региональных политических элит и девиационных факторов в их поведении плодотворно изучается в работах М.Н. Афанасьева, А.К. Магомедова, Г.В. Марченко, А.В. Понеделкова, М.Х. Фарукина и др. Взаимодействие бизнес-элиты с политической элитой рассматривается И.М. Буниным, А.Ю. Зудиным и др.

Проблема генезиса российской политической элиты в связи с трансформационным процессом и рискогенностью затрагивается Л.Н. Васильевой, Г. Голосовым, И.Е. Дискиным, Т.И. Заславской, М.В. Ильиным, Б.И. Красновым, О.В. Крыштановской, А.С. Панариным, В.В. Согриним, Ж.Т. Тощенко, Е.Б. Шестопаля.

Наряду с работами отечественных политологов и социологов, необходимо также отметить достаточно значительный объем публикаций западных исследователей, посвященных российским элитам. В них изучается социопрофессиональный состав российских элит и каналы их рекрутирования¹, взаимодействие экономической и политической фракций элит², особенности ценностных ориентаций в элитной среде³ и роль в демократических преобразованиях⁴.

¹ Matzusato K. Local Elites in Transition: Country and City Politics in Russia 1985-1996 // Europe-Asia Studies 1999 Vol 51 No 8, Melvin N J. The consolidation of a New Regional Elite The Case of Omsk 1987-1995 // Europe-Asia Studies. 1998 Vol 50 No. 4.

² Lallemand J.-C. Les élites provinciales à Briansk et à Smolensk // La revue russe Paris, 1999. No 15

³ Miller A H., Hesli V L., Reisinger W M. Comparing Citizen and Elite Belief Systems in Post-Soviet Russia and Ukraine // Public Opinion Quarterly. 1995. Vol 59 No 1

⁴ Lane D. The Gorbachev Revolution: The Role of the Political Elite in Regime Desintegration // Political Studies 1996 Vol 44 No. 1, Devline J. The Rise of the Russian Democrats: The Causes and Consequences of the Elite Revolution Aldershot: Edward Elgar Publ., 1995.

В целом современные исследования российской элиты обеспечили необходимую теоретическую базу для данной работы. Тем не менее, значимость и масштаб девиаций в среде российской политической элиты требуют специального исследования этой проблемы, что и продиктовало необходимость написания нашей диссертации.

Объектом исследования является российская политическая элита как коллективный макроактор, действующий в политическом пространстве, обладающий властными ресурсами и являющийся субъектом политических решений.

Предмет исследования составляют факторы, способствующие генезису и распространению девиаций в формировании и деятельности российской политической элиты.

Цель исследования заключается в выделении и политологическом анализе факторов возникновения и распространения девиаций в формировании и деятельности политической элиты современного российского общества.

Поставленная цель предполагает постановку и решение следующих исследовательских *задач*:

- проанализировать как фактор формирования негативной преемственности в управлении обществом отсутствие радикального обновления политической элиты;
- показать роль социальной бесконтрольности деятельности элиты в условиях неразвитости гражданского общества;
- исследовать как один из генетических истоков девиаций ценностную дезинтеграцию российского общества и стратегическую слабость политической элиты;
- обосновать взаимосвязь, существующую между качеством политической элиты и уровнем политико-правовой культуры;
- рассмотреть в аспекте возникновения девиаций нелегальный характер политического управления и тенденцию к теневизации элиты;
- выявить факторы коррупции и криминализации политической

элиты пореформенного российского общества;

- исследовать основные характеристики российской политической элиты в аспекте социального риска и безопасности.

Теоретическую и методологическую основу исследования составляют в первую очередь работы классиков теории элиты – Г. Моски, В. Парето, Р. Михельса. Поскольку тема диссертации предполагает анализ процессов формирования элиты, мы пользовались элементами методологии исследования политических процессов, разработанной П. Бурдьё, в частности, идеей о синхронном формировании политических полей и акторов политического действия в лице элиты. Большую роль в определении подходов к проблеме соотношения деятельности элиты и установленных политических институтов современного российского общества сыграли идеи неoinституционализма, позволяющие рассматривать институты как нормативные траектории повседневных практик, допускающие относительные деформации под влиянием действия девиационных факторов субъектов.

Рассмотрение более частных вопросов осуществлялось с опорой на работы российских исследователей, занимающихся анализом политических и социокультурных процессов, идущих в пореформенном российском обществе, и так или иначе влияющих на характер и качество функционирования политической элиты: М. Афанасьева, О. Гаман-Голутвиной, Т. Заславской, О. Крыштановской и др.

Среди общенаучных методов, использованных в диссертации, следует указать сравнительно-исторический метод и системный подход. На основе первого осуществлялся сравнительный анализ особенностей формирования советской и современной российской политических элит. На основе второго анализировались девиационные факторы деятельности российской элиты как ее системные характеристики.

Полученные в ходе исследования результаты содержат следующие *элементы научной новизны*:

- показано, что отсутствие радикального обновления политической элиты в ходе институциональных преобразований является фактором за-

крепления и воспроизводства преемственности недостатков в управлении;

- установлено, что слабая представленность в России структур гражданского общества определяет отсутствие необходимого социального контроля «снизу» за деятельностью и воспроизводством политической элиты, фактически формируя у субъекта власти ощущение бесконтрольности;

- выяснено, что ценностная дезинтеграция пореформенного российского общества является девиационным фактором в отношении деятельности элит, расшатывая ее мотивационные ориентации и способствуя утверждению клановых, частноэгоистических целей и ценностей;

- обосновано, что между качеством политической элиты и уровнем политико-правовой культуры общества существует взаимосвязь, проявляющаяся во влиянии неразвитости правового демократически ориентированного мышления на характер политической практики элит;

- аргументировано, что рост теневых влияний и конфиденциальности в принятии политических решений является проявлением девиантного функционирования демократической политической системы в условиях закрытости элит и деформированности формальных демократических институтов;

- установлено, что криминализация и коррупция субъектов политической элиты являются результатом действия всей совокупности девиационных факторов и сами выступают фактором расширенного воспроизводства девиаций в процессе формирования элиты и ее политических практиках;

- обосновано, что качество современной российской политической элиты, тенденции формирования ее состава, ее ценностные ориентации и уровень культурной рефлексии являются социально рискогенными факторами и несут потенциальную угрозу безопасности общества.

Данные элементы научной новизны конкретизированы в следующих *положениях, выносимых на защиту*:

1. Отсутствие радикального обновления политической элиты в ходе институциональной трансформации российского общества способствовало закреплению и воспроизводству в управленческой практике пореформенной

элиты властно-управленческих стандартов, сформировавшихся в контексте тоталитарной политической системы при отсутствии прежних систем контроля за ответственностью принимаемых решений. Что, в свою очередь, привело к конституированию объективного противоречия между наличием демократических формальных политических институтов и в значительной степени недемократической традицией реальной политической деятельности.

2. Важнейшим девиационным фактором по отношению к деятельности и формированию современной российской политической элиты стала незрелость структур гражданского общества и начал гражданского самоуправления, обусловившие слабость, вплоть до практического отсутствия социального контроля «снизу» за поведением и воспроизводством элиты, процедурой и содержанием принятия ею наиболее значимых, в том числе стратегических решений, что сделало деятельность политической элиты фактически бесконтрольной и способствовало развитию у ее представителей безответственности по отношению к обществу.

3. Влияние посттрансформационной ценностной дезинтеграции общества в отношении политической элиты проявилось в ослаблении мотивационного потенциала социетальных ценностей при доминировании индивидуалистических, ориентирующих на укрепление эгоистических мотиваций деятельности; в разрушении созидательного трудового этоса и одностороннем росте статуса ценностей потребительского характера, чем определяются расхитительно-потребительская стратегия управления обществом, тенденция к фактической приватизации властных ресурсов.

4. Недостаточный уровень политико-правовой культуры и несформированность ценностей и навыков демократической политической культуры, являясь константой российского общества от политической элиты до широких масс населения, представляет собой девиационный фактор длительного действия, фиксируется и закрепляется механизмами воспроизводства элиты и определяет качество и характер ее функционирования как субъекта власти и носителя политической воли, ориентированного на допустимость неправовых решений и использования административного ре-

сурса в ситуациях, требующих правовой регуляции.

5. Растущая закрытость политической элиты от общества, свертывание гласности повседневных политических практик способствуют расширению зоны теневого лоббирования в принятии важнейших решений и в целом превращению политики в сферу доминирования неформальных отношений, формированию теневого сектора политической элиты, что ведет к все большей неподотчетности действий элиты обществу и его формальным институтам, деформации функционирования демократических институтов, фактической приватизации элитой государственного властного ресурса и тем самым является девиационным фактором в деятельности элиты.

6. Результатом действия совокупности девиационных факторов является беспрецедентный рост коррупции в среде российской политической элиты, криминализация ее представителей в ходе сращения со значительно криминализованной бизнес-элитой и структурами организованной преступности, придающие ее деятельности в целом рискогенные с точки зрения национальной безопасности направленность и характер.

Теоретическая и практическая значимость работы определяется необходимостью научного осмысления негативных факторов в формировании и деятельности российской пореформенной политической элиты. Результаты, полученные в ходе исследования, способствуют углублению имеющихся теоретических представлений о специфике и особенностях современной российской политической элиты.

Материалы диссертации могут найти практическое применение при чтении общих курсов политологии, социологии, социологии управления, в ходе спецкурсов и спецсеминаров по политологическим и социологическим дисциплинам.

Апробация работы осуществлена посредством изложения ее основных положений в брошюре и трех научных статьях.

Кроме того, основные результаты, полученные в ходе исследования, обсуждались на теоретических семинарах, круглых столах и также на научных конференциях, в частности, на научно-практических конференциях

молодых ученых СКАГС «Актуальные проблемы и ресурсы государственного строительства современной России» (г. Ростов н/Д, октябрь 2004 г.) и «Актуальные проблемы и ресурсы реформирования государственного и муниципального управления в России» (г. Ростов н/Д, октябрь 2005 г.), а также на ведомственных совещаниях и конференциях в 2004-2005 гг.

Структура диссертации обусловлена ее исследовательскими задачами и состоит из введения, трех глав, содержащих шесть параграфов, заключения, списка использованной литературы. Общий объем работы 142 страницы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во «Введении» обосновывается актуальность темы исследования, раскрывается степень ее научной разработанности, формулируются объект, предмет, цель и задачи диссертации, ее научная новизна и положения, выносимые на защиту.

Глава первая «СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В ПОСТТОТАЛИТАРНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ» посвящена выявлению и анализу долговременных девиационных факторов формирования российской политической элиты.

В параграфе «1.1. Отсутствие радикального обновления политической элиты как фактор негативной преемственности в управлении» автор обращается к исследованию влияния негативных особенностей номенклатурной советской элиты на деятельность политической элиты пореформенной России. Констатированная многими специалистами низкая эффективность деятельности сегодняшней российской элиты¹, по мнению автора, в значительной мере обусловлена ее генетической связью с советской партноменклатурой. В силу того, что в процессе реформирования общества старая элита не была устранена из сферы активного влияния на экономику и политику, а, напротив, плавно перешла в состав новой российской элиты, она сохранила в своей деятельности негативные и социально-

¹ Гаман-Голутвина О.В. Современная политическая элита России: факторы неэффективности // Элитологические исследования. 2000. № 4

деструктивные особенности, присущие номенклатуре. Однако, хотя новая политическая элита и вобрала в себя значительный пласт советской бюрократии, это не просто подновленная версия последней. Несмотря на инертность современная элита более подвержена кадровому обновлению. Существенно, по мнению автора, и то, что нынешняя политическая элита России включает в себя представителей финансовой и промышленной олигархии на уровне симбиоза номенклатурной и финансово-олигархической элит, направленного на взаимную конвертацию власти и капитала. Многоисточниковый характер современного процесса элитообразования в России отмечает и А.М. Старостин, причисляющий к основным генерирующим структурам все социальные организации, оказавшиеся наиболее устойчивыми в процессе слома социальной и политической структур советского общества: бюрократию, новые экономические корпорации, прежние силовые структуры и корпорации, структуры организованного криминала¹. Тем не менее, полагает автор, исторический опыт номенклатурной элиты, связанный с функционированием в условиях отсутствия критики «снизу», дефицита публичности и наличия тоталитарных механизмов поддержания власти, оказался решающим и в этом симбиозе. На основе этого опыта новая политическая элита осуществляет эффективное манипулирование общественным мнением, ограничивает гласность, подключает административно-силовой ресурс управления, организует предсказуемые по итогам выборы. В то же время, подчеркивает автор, действенных механизмов обновления элиты создано не было, что способствовало быстрому росту закрытости сложившейся пореформенной правящей группы, приобретшей характеристики устойчивой, тяготеющей к стабильности корпорации. Этот фактор наложился на традиционную для россиян политическую пассивность и индифферентность широких масс населения, возросшую в результате разочарования в итогах реформ. Замкнутость и отчужденность от общества со-

---

¹ Старостин А.М. Эффективность деятельности административно-политических элит. Критерии оценки и анализ состояния в современной России. Автореф. дис. д-ра полит. наук 23.00.02 Сев.-Кавказ. акад. гос. службы. Ростов н/Д, 2003.

временной политической элиты привела к воспроизводству патерналистских ожиданий в политике. Низкая социально-политическая активность масс при высоком рейтинге президента, актуализация патернализма способствует росту бесконтрольности элит в действиях, ориентированных на кланово-корпоративные интересы. На фоне этих процессов происходит дальнейшее сращение бизнеса и власти, выражающееся в создании новых представляющих крупный бизнес политических партий, в росте политического лоббирования тех или иных бизнес-проектов. Тем не менее, подчеркивает автор, основные модели поведения, ценности и управленческие стереотипы новой политической элиты в России восходят к стандартам и нормам советской номенклатуры. К таким устойчивым «унаследованным» характеристикам, по мнению автора, относятся: неадекватное представительство интересов населения; отсутствие эффективных механизмов социального контроля за действиями элиты; тенденция к ограничению гласности в освещении СМИ ее решений и действий; неконструктивное восприятие политической оппозиции; патронально-клиентальные принципы подбора управленческих кадров, непрозрачность кадровой политики, высокая значимость личных связей и преданности для инкорпорирования в правящую элиту.

Параграф 1.2. «Социальная бесконтрольность деятельности элит в контексте неразвитости гражданского общества» посвящен девиационному влиянию на политическую элиту практического отсутствия в пореформенной России эффективных структур гражданского общества и гражданского самоуправления. Констатируя кризис и стагнацию политической элиты в России, автор подчеркивает, что сложившаяся ситуация на российской политической арене характеризуется замалчиванием существующих проблем, почти полным прекращением реального политического диалога власти с оппозицией, и, по определению О. Гаман-Голутвиной, формированием моноцентрического политического режима, в котором единственным субъектом власти является президент, а ведущей тенденцией стремление к реконструкции некоторых формальных элементов советской политической системы. При этом не наблюдается роста фактического вмешательства го-

сударства в экономику, продолжается борьба клановых группировок за предел собственности и политического влияния. Возросла роль силовых ведомств, что свидетельствует о стремлении к социально-политической стабилизации и сужении сектора реальной демократии. Отчетливая угроза нарастания авторитаризма связана и с тем, что система организации государственной власти, определенная в Конституции РФ, не обеспечивает эффективного механизма контроля со стороны общества за деятельностью элит, их подотчетности, гласности принимаемых решений. Кроме того, в современном российском обществе практически полностью отсутствуют структуры общественного контроля над деятельностью власти, СМИ утратили еще недавно обретенный ими процент независимости. Распад реальной оппозиции, составляющей важный элемент гражданского общества и демократии, малая политическая эффективность оппозиционных партий также способствуют росту бесконтрольности элиты. Серьезным фактором является слабость и малочисленность отечественного среднего класса, который в западных демократиях является социоструктурной опорой гражданского самоуправления. Бесконтрольность политической элиты в России имеет долгую историю и в конечном счете связана с политической традицией, предусматривающей жесткую иерархичность и силовой характер управления, административный, а не гражданский, тип мобилизации, приоритет исполнительной власти при слабом разделении властей. Вне такого типа управления, когда деятельность элиты контролируется «сверху», причем достаточно жестко, российская элита, не ощущающая давления снизу, со стороны политически активных масс населения, становится бесконтрольной и социально безответственной, начиная преследовать частные интересы и цели. Гражданское общество, подчеркивает автор, предполагает наличие социальных структур и институтов, независимых от политической власти и в силу этого способных к эффективному воздействию на носителей власти, то есть политическую элиту. Несмотря на относительную представленность в России тех институтов гражданского общества, которые функционально направлены на решение конкретных проблем, здесь практически не пред-

ставлен тип институтов, которые выполняли бы функцию диалога с властью, обеспечения демократического характера политических отношений в обществе, отвечали бы за консолидацию общества и групп вокруг определенных социальных интересов и ценностей. В отсутствие подобных инфраструктур невозможна демократия как политическая система. К ним относятся партии, профсоюзы, предпринимательские и потребительские корпорации и т.д. В 2001 г. в ходе общероссийского опроса населения, проведенного ФОМ, большинство респондентов заявили, что партии приносят больше вреда, чем пользы¹. Судя по специальным исследованиям, российские политические партии – особенно вышедшие на первый план в последние годы так называемые "партии власти" действуют больше в своих собственных элитных интересах, чем в интересах каких-либо групп избирателей. Предпринимательские же организации в лучшем случае представляют лишь ограниченный слой собственников и директоров наиболее крупных компаний и предприятий². Профсоюзы ФНПР, формально объединяющие большинство работников государственных и приватизированных предприятий и учреждений, в лучшем случае могут рассматриваться, по мнению специалистов, как "полупрофсоюзы". Дефицит публичности в деятельности суда и правоохранительных органов, их недоступность контролю со стороны общества дополняет картину. Следствием неразвитости структурных институтов гражданского общества, подчеркивает автор, является крайняя слабость их реального влияния на политические процессы, в частности, на действия и самочувствие правящей элиты. Отсутствие сильных импульсов со стороны гражданского общества является разлагающим стимулом, диверсионным фактором по отношению к поведению правящей элиты, способствует развитию тенденций демодернизации и реставрации административно-бюрократических методов управления.

¹ Поле мнений Доминанты ФОМ, 2001. № 32 С 1-2

² Афанасьев М. Политические партии в российских регионах // Pro et Contra 2000 № 5 С 175; Кулик А.Н. Российская многопартийность: модель догоняющей политической модернизации // Профессионалы за сотрудничество М., 2000 Вып 4 С 99

В главе второй «ПОРЕФОРМЕННЫЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КРИЗИС КАК КРИЗИС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ» анализируются девиационные факторы деятельности российской политической элиты, укорененные в культурной сфере.

Параграф 2.1. «Ценностная дезинтеграция общества и стратегическая слабость политической элиты» посвящен исследованию девиационного влияния на политическую элиту посттрансформационного кризиса социетальных ценностей. В переходные периоды жизни общества, согласно П. Штомпке, рост неопределенности и последствия социальной травмы, вызванной сменой ценностных ориентации, способствуют снижению регулятивного и мотивационного потенциала норм и ценностей. Это сопровождается размытием общих представлений о добре и зле, моральной ответственности, кризисом традиционных ценностей. Как показывают результаты исследования¹, большинство москвичей неудовлетворительно оценивает состояние российского общества с точки зрения соблюдения норм морали и нравственности в повседневной жизни людей. 42% полагают, что в этой области много проблем, 29% считают ситуацию практически катастрофической. 21% согласились с утверждением, что ситуация в целом нормальная, и только 2% - с тем, что моральное состояние общества хорошее. При этом 58% респондентов согласились с довольно жестким утверждением - "мы живем в обществе корысти, бездуховности, нравственные нормы забыты и обесценены". Доля скорее или полностью несогласных с этим тезисом составила 36%.

Тем не менее, подчеркивает автор, отклонение от принятых ранее социокультурных норм еще не составляет достаточный критерий девиантного поведения. Общество само на основе своей культурной специфики избирательно оценивает определённые формы поведения как девиантные.

---

¹ Исследование было проведено 9-11 апреля 2005 г. силами двух подразделений Группы компаний Imageland - Департамента исследований и специальных проектов и call-центра "Горячие линии". В опросе приняли участие 1000 человек. Статистическая погрешность для подобных опросов составляет не более 4% // Дайджест материалов экспертного обсуждения темы "духовно-нравственное состояние современного российского общества"
[//www.imageland.ru/news/14_04_05_1.htm](http://www.imageland.ru/news/14_04_05_1.htm)

По сути девиация представляет собой не просто вид поведения, а специфический образ жизни, жизненный стиль, а с другой стороны она неотделима от социальной оценки и того типа культуры, который делает эту оценку возможной. Демократическое общество возлагает решение задач, связанных с такой оценкой, на структуры гражданского общества, при отсутствии таких структур функция определения девиаций выполняется прежде всего властной элитой. Автор подчеркивает, что смысл оценки тех или иных видов поведения как девиантных состоит прежде всего в отбраковке социально неприемлемых, деструктивных моделей поведения. Переходное состояние общества сопряжено со сдвигом в оценке девиаций, в моральных и ценностных критериях поведения, что затрагивает и деятельность политических элит. При безмолвствовании народа, то есть отсутствии дееспособных структур гражданского общества, подчеркивает автор, элита сама становится мерилом девиантности собственного поведения, что ведет к утрате ею моральных ориентиров. Более того, деструктивные процессы в сфере ценностей продолжают и после реформ под влиянием прогрессирующего разочарования общества в их результатах. Важный аспект кризиса социальных ценностей, связанный с деятельностью элит, составляет обесценивание идеалов демократии. Непродуманность идеологии реформаторов привела в свое время к необоснованной идеализации демократических институтов, рассматриваемых как панацея социального развития вне зависимости от человеческого потенциала. По мнению О. Яницкого¹, вообще недостаток рефлексии отличает современное российское общество и прежде всего его правящую элиту, которая не в состоянии предложить никаких собственных концепций стратегии развития страны и пользуются устаревшими или некритически заимствованными идеологемами. Г. Осадчая² также полагает, что в настоящее время стала очевидной неспособность российской властной элиты к концептуальному мышлению, подменяемому эклектическими рецепциями у Запада. Положение усугубляется нежелани-

¹ Яницкий О. Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. № 1. С. 3-35.

² Осадчая Г. И. Социальное знание и социальная практика. М., 2003. С. 46.

ем и неспособностью элиты прислушаться к мнению представителей научного сообщества. Интеллектуальная и культурная элита вообще утратили в значительной мере свое влияние на власть, а власть, в свою очередь, отчуждена от интеллектуальных ценностей, живя и функционируя «по понятиям». В целом, подчеркивает автор, имеет место разложение ценностей российской политической элиты, ее отход от созидательно ориентированных программ и стратегий и перерождение в расхитительно-потребительски настроенную клановую структуру, сконцентрировавшую под своим контролем большую часть ресурсов. Кризис правящей элиты в современной России связан с ее низким качеством и низким уровнем ответственности при огромных финансовых и властных возможностях.

В параграфе 2.2. «Качество политических элит и уровень политико-правовой культуры» анализируется взаимосвязь между уровнем политико-правовой культуры элиты и качеством ее функционирования. Автор отмечает, что значимым постоянным фактором, определяющим характер деятельности правящей элиты, является политическая культура, то есть совокупность глубоко укорененных представлений о нормах политической жизни. В России традиционным является низкий уровень политической культуры как масс, так и элиты. Однако выход из общего кризиса, в котором оказалась Россия после трансформации общества, невозможен без устойчивой ориентации на демократические ценности и адекватной политической культуры. Именно отсутствие политической культуры демократического типа определяет многие затруднения, поскольку правящая элита часто демонстрирует поведение, соответствующее исторически укорененным стереотипам тоталитарной политической культуры. Как писал в этой связи Е. Вятр, «нельзя сводить понятие политической культуры исключительно к психическим состояниям. Нужно включить в него также определенные образцы поведения. Это соответствует общему пониманию культуры, а также той исследовательской интуиции, которая заставляет искать...устойчивые образцы поведения как важнейшие черты культуры, оп-

ределяющие общественные и политические действия»¹. Таким образом, подчеркивает автор, политическая культура может рассматриваться как своего рода матрица политической жизни, предопределяющая относительно устойчивые формы поведения индивидов и групп, конфигурации политических институтов общества. При этом демократический тип политической культуры органически связан с высоким уровнем правосознания и правовой культуры, предусматривающим стабильное уважительное отношение со стороны граждан и политической элиты к закону и судебной власти, гарантированную независимость последней. В России же, подчеркивает автор, мы имеем дело с правовой культурой особого типа, в рамках которой формальное право рассматривается как нечто подчиненное и второстепенное по отношению к требованиям моральной справедливости или политической целесообразности. По сути это правовая культура нигилистического типа, предусматривающая отрицание верховенства права в пользу других социальных регуляторов, понимание права как функции и орудия политики и власти. Посттоталитарный правовой нигилизм в России имеет давние и глубокие корни, закреплён десятилетиями коммунистической диктатуры. Он связан и с неверием населения в силу закона как средства защиты прав и интересов, в эффективность работы правоохранительных органов.

Дефицит политико-правовой культуры демократического типа дополняется в России и тем обстоятельством, что, как подчеркивает автор, большая часть новой российской элиты оказалась на вершине общества не вполне легитимным, если не криминальным путем². Множество лиц, занимающих ключевые властные посты, являются фигурантами уголовных дел,

¹ Вятр Е Социология политических отношений М, 1979. С 260-261

² А.Г. Наронская подчеркивает, что «качество политической элиты определяется: 1) степенью легитимности политической элиты, формируемой новой системой ее рекрутирования. Легитимность рассматривается как признание обществом законности существующей системы рекрутирования политической элиты, правомерности деятельности и принимаемых решений ее представителями, 2) многообразием и зрелостью структур гражданского общества, осуществляющих контроль над политической элитой, а также обеспечивающих участие граждан в подготовке, принятии, исполнении политико-экономических решений» (Наронская А. Г. Особенности эволюции российской политической элиты. Автореф. дис. к-та полит. наук 23.00.02 Екатеринбург, 2004. С. 16)

заведенных на них Генеральной прокуратурой РФ¹. Тем не менее все эти дела не получают развития, и преступления представителей элиты практически всегда остаются безнаказанными, поскольку серьезная реакция общества на них компрометировала бы всю политическую элиту. Речь идет о круговой поруке власть имущих, объединенных криминальными и полукриминальными фактами прошлого.

Автор заключает сказанное выводом о том, что качество российской правящей элиты, ее культурный потенциал являются слишком низкими, чтобы обеспечить выход общества из кризиса. Бесконтрольность и безответственность представителей элиты, слабость и коррумпированность правоохранительных и судебных органов, отчужденность и пассивность масс, их неверие в силу права составляют питательную среду для развития девиантных форм поведения власть имущих.

Глава третья «МЕСТО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В СИСТЕМЕ НИГИЛИСТИЧЕСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА» посвящена анализу девиационных факторов деятельности элиты, связанных с ее тенеvizацией и участием в производстве рисков.

Параграф 3.1. «Нелегальный характер политического управления и тенеvizация элиты» представляет собой попытку аналитического осмысления процесса расширения нелегального сектора в политике. В настоящее время, подчеркивает автор, процессы тенеvizации в экономике, социальной жизни и политике приобрели системный характер, превратились в сущностную характеристику российского общества. Согласно А.М. Старостину, «сложившаяся в 90-е гг XX в. социально-экономическая ситуация, связанная с решением задач приватизации основных ресурсов общества, обусловила формирование «перевернутой» формулы российской власти. В ней поменялись местами публичная и теневая стороны. Публичная надолго стала лишь прикрытием теневой, основными задачами которой стали: удержание властных полномочий и решение внутренних проблем

¹ См., напр. Шлейменов Р. Кто и сколько украл в России. Рецензия на ежегодный прокурорский доклад // Новая газета. № 17 (850) 6-12 марта 2003 г

«правлящего класса», связанных прежде всего с его укоренением в экономике и политике»¹. Таким образом, теневизацию элиты можно рассматривать как ядро всех теневых процессов. Ее политическую предпосылку составила слабость российской демократии, а также общий латентно-девиантный контекст поведения значительной части населения. Как подчеркивает автор, в настоящее время в стране имеется реальная теневая власть, теневое право, обладающее нормативным содержанием и силой принуждения, аппарат исполнения теневых законов и обслуживающие его квалифицированные кадры с опытом работы и связями в правоохранительных органах и других структурах власти. Это дает возможность сделать вывод о наличии в стране теневой элиты – целостной системы, функционирующей в неразрывной связи с теневой экономикой и теневыми политическими влияниями. Неформальный политический процесс вовлекает в себя формальные институты, президентский, правительственный аппараты, региональную власть, однако все эти структуры задействуются на уровне неформально-личностных контактов, в корпоративно-клановых интересах. По мнению исследователей российская политическая среда характеризуется именно тем, что здесь неформальное поле значительно сильнее формальных отношений². Деятельность теневой политической элиты и теневая деятельность официальных должностных лиц тесно связаны с опасностью политической коррупции, и ее, подчеркивает автор, необходимо рассматривать как наиболее существенный девиационный фактор. В Лунеев, исследуя политические аспекты коррупции, указывает, что она представляет собой коррупционные формы политической борьбы правящих или оппозиционных элит, партий, групп и отдельных лиц за власть³. Помимо этого теневая политика и теневизация элиты в целом органически связаны с феноменом политической преступности, поскольку отсутствие публичности в принятии полити-

¹ Старостин А.М. Административно-политические элиты России: позиционирование во власти и управленческая эффективность. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2003. С. 23.

² См. Пляйс Я. Политическая власть в России в поисках новой идентичности (аналитический обзор диссертационных исследований российских политологов) // Власть. 2001. № 10.

³ Лунеев В.В. Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы // Государство и право. 2000. № 4. С. 102-103.

ческих решений создает почву для безнаказанности противоправных деяний в этой сфере. Следовательно, теневая политическая деятельность составляет значительную потенциальную опасность для общества и его перспектив. Поэтому, полагает автор, борьба с теневизацией общества должна начинаться с политической сферы¹. Опасность функционирования теневых структур и взаимоотношений в политике связана с возможностью перераспределения власти и ее ресурсов, ведущего к криминализации политики, подавлению зачатков гражданского общества, игнорирования общественного мнения в решении судьбы страны. Наличие универсального теневого симбиоза и его развитость в России ведет к подавлению легитимной власти. Тотальный характер теневых процессов, подчеркивает автор, требует проявления политической воли для их пресечения.

Параграф 3.2. «Коррупция и криминализация политических элит в пореформенном российском обществе» посвящен исследованию наиболее опасных проявлений поведенческих девиаций российской политической элиты. Коррупция рассматривается многими исследователями как наиболее опасное проявление криминализации государственных структур. Разлагая политическую элиту, деформируя механизмы государственного управления, разрушительно воздействуя на большинство экономических процессов, коррупция способствует превращению властных структур и ресурсов в средство подавления гражданского общества и эксплуатации его с преступными целями. Коррупция политической элиты приводит к значительному, наносящему ущерб национальной безопасности расхищению государственных средств, формируя негативный образ органов власти как в глазах российского населения, так и в мировом общественном мнении². В аналитическом докладе Фонда ИНДЕМ специфика переходного периода определяется как "смешение традиций и культурных стереотипов, свобода

¹ Воротников В.П. Теневизация общества: особенности российского политического процесса // Вестник Российского университета дружбы народов - Сер. Политология. 2004. № 1 (5). С. 35

² См. Мишин Г. Необходим закон о борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти // Уголовное право. 2002. № 7

практически беспрепятственной конвертации одних форм капитала в другие. В результате должностные лица рассматривают свою службу как продолжение рынка, а демократию трактуют как свободу преобразования нормального рынка в рынок коррупционных услуг"¹. Автор подчеркивает, что фактором развития коррупции политической элиты стало устранение многих запретов и ограничений, предоставление гражданам прав и свобод, которых они ранее были лишены. При хроническом отставании реформирования институтов права и традиционном для России нигилистическом типе правовой культуры свободы повлекли за собой расширение сферы управленческого произвола, беспредел в организации социальных практик, включая все уровни иерархии власти. Происходит институционализация неправовых взаимодействий превращение иллегальных практик "в устойчивый, постоянно воспроизводящийся феномен, который, интегрируясь в формирующуюся систему общественных отношений (экономических и неэкономических), становится нормой (привычными образцами) поведения больших групп индивидов и постепенно интернализируется ими"². По мнению М. Шабановой, в контексте социальных взаимодействий коррупция представляет собой двусторонние солидаристические неправовые взаимодействия. На высших уровнях властной иерархии – это солидарность в незаконном расходовании средств бюджета, заключение заведомо убыточных для казны договоров, невыгодная для государства приватизация, принятие законов в интересах определенных групп интересов³. Для России характерно проявление коррупции элиты через совмещение государственными чиновниками должностей в органах власти и в коммерческих структурах или в создании чиновниками госаппарата собственных коммерческих структур на базе использования своего бюрократического статуса. Коррупция опасна в силу возможности политического давления преступных чиновников на бюрократические институты, судебную и правоохранительную систему.

¹ Россия и коррупция кто кого Аналитический доклад Фонд ИНДЕМ www.indem.ru

² Шабанова М. "Неправовая свобода" и социальная адаптация // Свободная мысль 1999 № 11

С 54-55

³ Там же С 59

Как подчеркивает автор, коррупция также выступает фактором обострения отношений между кланами элиты и тем самым способствовать политической дестабилизации. Властная деятельность, мотивированная стремлением к сохранению привилегий и получению коррупционных платежей, способствует деформации приоритетов экономической и социальной политики. Коррупционная активность неизбежно охватывает все общество и все этажи власти; существует опасность коррупции самих контролирующих институтов и, таким образом, восхождения коррупции на все более высокие уровни управления¹. Автор подчеркивает приоритетную роль коррупции элиты в процессе криминализации общества: отслеживается непосредственная зависимость между уровнем преступности и состоянием нравственно-правовых устоев политической и правящей элиты общества. С учетом исторических, национальных, религиозных, политических традиций и уровня правового нигилизма наиболее сильные взаимосвязи выявляются между криминальностью элиты и общим уровнем преступности. В ограничении элитной коррупции заинтересовано, таким образом, все общество, и достижение этой цели невозможно без участия широкой общественности. Тем более это необходимо в условиях сложившегося глубокого отчуждения общества от государственных структур. Без привлечения общественности невозможно противостоять "низовой" коррупции, поскольку на нижних уровнях управления коррупция малочувствительна к импульсам, идущим сверху, и может быть блокирована в первую очередь институтами гражданского общества².

В «Заключении» подводятся основные итоги исследования, делаются общие выводы.

¹ Goudie A W, Stasavage D A Framework for the Analysis of Corruption // Crime, Law & Social Change 1998 Vol 29 № 2-3 P 116-119.

² Парламентские слушания "О государственной политике и стратегии противодействия коррупции" Москва. 21 апреля 2005 г Доклад Председателя Комиссии Государственной Думы по противодействию коррупции М И Гришанкова // www.grishankov.ru/news/ln_28_04_05.htm

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

1. Осипов А.В. Особенности формирования современной российской элиты. Брошюра. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2005. – 1,2 п.л.

2. Осипов А.В. Взаимосвязь кризиса социальных ценностей и девиаций российской элиты // Управление региональными социально-политическими процессами: вопросы теории и практики. Сб. научн. статей. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2004. – 0,2 п.л.

3. Осипов А.В. Политическая культура современной российской элиты // Управление региональными социально-политическими процессами: вопросы теории и практики. Сб. научн. статей. Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2004. – 0,2 п.л.

4. Осипов А.В. Политическая ментальность современной российской элиты // Проблемы российской политологии и российского политического управления. Сб. научн. статей. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2005. – 0,3 п.л.

Подписано к печати 21.11.05. Объем 1,0 п.л.
Тираж 100 экз. Заказ № 71/11
344002, Ростов н/Д, Пушкинская, 70, СКАГС

№ 2 4 3 1 2

РНБ Русский фонд

2006-4
26307